

SIDONIUS APOLLINARIS. POEMS

TRANSLATED FROM THE LATIN BY
FEDOR A. PETROVSKY AND SERGEI A. OSHEROV

СИДОНИЙ АПОЛЛИНАРИЙ. СТИХИ

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО
ФЕДОРА А. ПЕТРОВСКОГО И СЕРГЕЯ А. ОШЕРОВА

Стихотворение

III
XII
XVI
XVIII
XIX
XX
XXI
XXII
XXIII
XXIV

Ш

ВСТУПЛЕНИЕ К КНИГЕ

Как утучняют посев, какая пора плодотворней
Для урожая и стад, для винограда и пчел,
Было поведано встарь Меценату в особой поэме;
После ж посмел ты, Марон, брани и мужа воспеть
Мне же теперь будет Петр Меценатом нашего века: 5
Я под звездой его по морю славы плыву.
В свет он выпустит то, что одобрит, негодное скроет,
Да и не фыркнет на нас носом он, что носорог.
В путь, моя книга! Поверь: он честь мою охраняет;
Отзыв такого судьи, даже нелестный, польстит. 10

(Перевод Ф. Петровского)

ХШ

К СЕНАТОРУ КАТУЛЛИНУ, ЖАЛОБА НА ВРАЖДЕБНОСТЬ ВАРВАРОВ

Просишь ты, но мне, право, не под силу
Воспевать фесценнинскую Диону,
Раз живу я среди полчищ волосатых,
Принужденный терпеть германский говор 5
И хвалить, улыбаясь против воли,
Обожравшихся песенки бургундов,
Волоса умастивших тухлым жиром.
Хочешь знать, что стихам моим мешает?
Грубым сбитая варварским напевом, 10
Шестистопный отвергла стих Талия,
Поглядев на патронов семистопных.
И глаза твои счастливы, и уши,
Да и нос назову я твой счастливым,
Коль с утра в твоём доме не рыгают
Чесноком отвратительным и луком 15
И к тебе на рассвете, будто к деду
Иль к супругу кормилицы и няньки,
Не врываются толпы великанов,

Для каких Алкиноя кухни мало.
Но, потешив себя, умолкла Муза, 20
Стих оставив одиннадцатисложный,
А не то его примут за сатиру.

(Перевод Ф. Петровского)

XVI

БЛАГОДАРЕНИЕ ЕПИСКОПУ ФАВСТУ

Феба и всех девять Муз с десятою к ним и Палладой,
Да и Орфея, и вод баснословных конский источник,
Как и фиванскую лиру, которой послушные камни,
Чутко внимая, под песнь возводили высокие степы,
Презри, струна! и теперь к святого отца прославленью 5
Ты призови меня, Дух, вошедший некогда в сердце
Древней Марии, когда, схватив тимпаны, Израиль
Посуху путь совершал по впадине грозной пучины,
И, в ограждении стен водяных проходя безопасно,
Пыльные толпы людей твое торжество воспевали; 10
Руку Юдифи ведь ты укрепил, когда ей обезглавлен
Был Олоферн и лежал на земле с перерубленной шеей,
Скрытую женщины мощь обнаружив при этом ударе;
Ты же росой из руна наполнил доверху чашу,
После ж, росой покрыв всю землю, руна же не тронув, 15
Мощь в Гедеона вселил ты, Дух, явившийся в звучных
Трубах, которых один лишь гром обеспечил победу;
Из Иесеева ты, скотовода богатого, рода,
Одушевил и царя, когда был без вожатых отослан
На колеснице ковчег завета врагом, пораженным, 20
Что на заду у него желваки отвратительно вспухли;
Некогда также ты пел и трех отроков голосом, коих,
Ввергнутых в жаркую печь халдейского волей тирана,
Пламя не жгло, а росой орошало в огненном пекле;
Был и Иона тобой вдохновлен, когда он, пробираясь 25
В чреве кита, воспевал поражавшие чудище песни
Так, что от этих псалмов, из уст исходящих добычи,
Или от тяжести той, что в его животе очутилась,

Кит заикал, и хотя был голоден, но песнопевца
 Вырыгнул он наконец из пасти, зубами не тронув; 30
 Силой двойной вдохновил ты некогда грудь Елисея,
 В день, как на огненной был колеснице взнесен фесвитянин
 Старец, и, милость свою разорвав, одарил ей пророка,
 В пламенной сам улетев косматым возницей упряжке;
 И, вознамерясь послать Илию второго на землю, 35
 Праведного ты лишил Захарию благостно речи
 Вплоть до того, как старуха жена родила ему сына,
 Повелевая молчать о пророчестве этом пророку
 Так же, как Ветхий завет умолкает в лучах Благодати;
 Ты же в явленье своем от девы, без семени рождшей, 40
 Бог до начала времен и Христос во времени сущий,
 В плоть облаченный, но сам себя во плоти сотворивший,
 Зренье даешь ты слепым, хромым исцеляешь ты ноги,
 Слух возвращаешь глухим, немых одаряешь ты речью,
 И для того ты пришел, дабы умершие люди 45
 Встать с постели могли или даже оставить могилы;
 И во плоти перенес ты также телесные муки,
 И заушенья терпел, насмешки, удары и тернья,
 Жребий, оковы и крест, желчь, гвозди, и раны, и уксус,
 Смерть, наконец,— но пришел для того, чтобы после,
 воскреснув, 50
 Вырвать все то, что себе наш враг исконный присвоил
 Нашего в силу греха, свершенного первой женою,
 Строгий презревшей наказ и связавшей виною нас вечной,
 Но, когда враг захотел тебя погубить, не нашел он
 Вовсе в тебе ничего своего; чрез тебя потерял он 55
 То, что Ева дала во грехе своем: рукописанье,
 Коим введен был в соблазн человек, искуплено было.
 Ты, пепричастный греху, принес за грешников полный
 Выкуп, и, новый Адам, своей собственной ветхою смертью
 Ты похищаешь и нас у смерти: смерть поправа смертью, 60
 И оказалась она в свои же запутана сети,—
 Ибо, преследуя всех без разбора, невинных, виновных,
 Освободиться дала возможность даже преступным.
 Праведных праху велел восстать совместно с тобою
 Ты в положенный срок, когда к давно погребенным 65

Вдруг искупленье пришло, и жизнь, в них влитая снова,
 Выбросила из могил облеченные плотью останки.
 Дай же мне Фавста хвалить твоего, дай излить благодарность,
 Коей и впредь я ему обязан. Ты же, святитель,
 Будь воспеваем моей, пусть тебя недостойною, лирой. 70

Первой причиной хвалы и первым к ней побуждением
 Служит мне то, что мой брат в его опасные годы
 Был охраняем тобой и, с помощью господ бога,
 Был безупречен и чист; всем этим всецело обязан
 Он попеченьям твоим, ему это будет во благо,— 75
 Но это благо твое. Хвала, что с пути он не сбился,—
 Но, что и сбиться не мог, всецело твое это дело.
 Кроме того же, когда пришлось побывать мне у Реев
 В пору, как там бушевал Процион, а знойное солнце,
 Все иссушая поля, их покрыло извивами трещин, 80
 Гостем твоим оказался я там, истомленный, и встретил
 Мир, дом, воду и тень, стол, благословенье и ложе..
 Но превосходней всего было то, разумеется, благо,
 Что до святости тобой святой матери был я допущен.
 Оцепенел, сознаюсь, считая себя недостойным, 85
 И покраснел я, главу склонивши благоговейно;
 Вострепетал я тогда, как будто меня иль Израиль
 Вел, сын Ревекки, иль влек Самуил длинновласый, сын Анны,
 Вот потому-то, тебя поминая немолчно в молитвах,
 В малых стихах любовь великую мы возглашаем. 90

В Сиртах ли пламенных или в песках неприютной пустыни,
 В зеленоватой ли ты грязи болотной, иль скалы
 Черные держат тебя одного в глубоких пещерах,
 Где ты, как узник, живешь одиноко во мраке без солнца;
 Иль как отшельник ушел ты в Альпы под грозные скалы, 95
 Сном забываясь на миг, и дрожишь на дерне холодном
 (Но и жестокий мороз никогда в тебе не осилит
 И не умерит в тебе Христом зажженного пыла),
 Всюду идешь ты, куда Илия, Иоанн повелели
 Иль два Макария, или позвал достославный Пафнутий, 100
 Или же Илларион, Ор, Аммон иль Сармат приказали,
 Или Антоний нагой в своей знаменитой тунике,
 Что ему сделал его наставник из пальмовых листьев;

Или, как старый отец, ты приходишь в объятья Лерина,
 Где ты, хотя утомлен, без отдыха снова и снова 105
 Служишь наставником всем, о покое и сне забывая;
 Пищи вареной почти не вкушаешь в своем воздержанье,
 Только лишь туком псалмов облегчая свой пост непрестанный,
 Братии всей говоря, какие сей низменный остров
 В небо высоты вознес, каково житие на нем было 110
 Старца Капрасия, как на нем прославились юный
 Луп и честной отец Гонорат и достойнейший Максим,
 Коего городом днесь и обителью правишь вторично,
 Как настоятель и как епископ, немолчно хвалами
 Славя Евхерия путь и Гилария вповь возвращенье; 115
 Иль тебя держит народ, тебе вверенный, и, как пи мал оп,
 Смеет, когда ты при нем, противиться даже сильнейшим;
 Иль ты тревожно следишь, какую больной иль пришелец
 Пищей питается, как утоляет жажду и голод
 Тот, кто томится в тюрьме и чьи ноги сжимают оковы; 120
 Иль ты, печалясь о том, что останки нищих усопших
 Без погребенья в земле загнить и заплесневеть могут,
 Сам их в могилу несешь, не гнушаясь несчастного трупом;
 Или же, видимый всем, с высоты ступеней алтарных
 Проповедь ты говоришь, и народа тесные толпы 125
 Внемлют тебе, услышав целебное слово закона,—
 Всюду в деяньях своих благим ты пребудешь мне Фавстом,
 Чтимым, как Гонорат, и великим так же, как Максим.

(Перевод Ф. Петровского)

XVIII

КУПАНЬЕ В АВИТАКЕ

Ежели наш Авитак почтишь ты своим посещеньем,
 То не хули ты его: каждому любо свое.
 Так воздымается он, что и с конусом в Байях поспорит,
 А на его высоте так же верхушка блестит.
 И говорливей воды, по склону сбегающей Гавра, 5
 С ближнего гребня холма весело струи журчат.
 И опротивел бы пруд Лукрина Кампании пышной,

Коль увидала б она озера нашего гладь.
Красными берег ее украшен морскими ежами,
Но и у нас ты, мой гость, рыб красноперых найдешь.
Если захочешь со мной поделить ты сердечную радость,
То приходи: отдохнешь, словно бы в Байях, у нас.

10

(Перевод Ф. Петровского)

ХІХ

БАНЯ В АВИТАКЕ

В струи холодной воды окунитесь из бани горячей,
Чтоб разогретую в ней кожу свою освежить;
Но и в одну погрузясь лишь эту студеную влагу,
В озере плавать моем будете взорами вы.

(Перевод Ф. Петровского)

ХХ

ЭКДИЦИЮ

Близится день моего рожденья — ноябрьские ноны,
И не прошу я,— велю: в гости ко мне приходи
Вместе с женою своей. Не медлите оба! Но после
Этого года втроем вы посетите меня.

(Перевод Ф. Петровского)

ХХІ

НОЧНОЙ УЛОВ

Первыми мне в эту ночь четыре рыбы попалсь;
Двух я оставил себе, двух и тебе я дарю.
Больших тебе отдаю,— и правильно я поступаю,
Ибо в душе у меня большая доля — твоя.

(Перевод Ф. Петровского)

ПОСЛАНИЕ О ЗАМКЕ ПОНТИЯ ЛЕОНТИЯ

Сидоний приветствует Понтия Леонтия!

1. Покуда я мешкаю и медлю близ Нарбона, давно называемого, но лишь недавно воистину ставшего Марсовым, мне пришло в голову сочинить несколько шестистопных строк в твоём вкусе, дабы ты, прочитав их, до конца постиг, что даже если пенаты, обитаемые нами, отстоят друг от друга дальше, чем следовало бы, то сердца наши не разделены столь же большим расстоянием, как жилища. 2. Вот тебе Дионис, томный и бессильный среди услад индийского триумфа; вот тебе и Феб, который, как всем известно, по поэтическому праву сделался из божества обитателем твоего дома: я имею в виду Феба — друга и приятеля моего Антедия, который стоит во главе коллегии одного бога, превосходя в искусстве рассуждать не только музыкантов, но даже и геометров, и математиков, и астрономов, ибо я поспорил бы, что никто точнее него не знает, каково влияние светил, стоящих в наклонности зодиака, и блуждающих планет, и звезд» рассеянных вне зодиакального пояса. 3. И так он блещет в этих, я сказал бы, отраслях философии, что мне представляется, будто он без истолкователя, с помощью лишь своего природного дара, усвоил и Юлия Фирмика, и Юлиана Вертака, и Фуллония Сатурнина, осведомленнейших сочинителей математических книг. Мы же, лобызающие лишь стопы его учености, признаем себя лишь серыми гусями рядом со звонкоголосым лебедем, Но что же мне медлить более? По праву дружбы присвоил я твой Бург, твердо зная, что даже если все сочинение целиком тебе и не понравится, так понравится его предмет.

К стойлам царя бистонийских племен, к алтарям Бусирида
 Иль Антифата столам, иль в Тавриду, в царство Фоанта,
 Или к Циклопу, кого итакийца хитрость лишила
 Зренья, кто нес на просторном челе по горным пещерам
 Глаза, пронзенного им, вертеп не мене глубокий, 5
 Путник, ступай, если в Бург ты вступил — и молчать о нем будешь.
 Пусть не везде Аполлон отпускает бразды песнопенья
 И не желает для всех распускать паруса красноречья,
 Ты, кто без громкой хвалы на такие зриаешь пенаты,
 Зрелище редкое сам являешь. Молвят безмолвно 10

Чувства твои, и кричит молчанье о зависти громко.
 Ныне ударь для меня, Эрато, по струнам пиерийским,
 Чтобы задвигались в лад у сатиров и пальцы, и ноги,
 Но чтоб трясуцей они не портили пляской напева.
 Пусть и дриады тебе, и с напеями гамадриады 15
 Все хороводы, что встарь водили они хоть когда-то,
 В дань, о Бург, принесут; ты ли, хор nereид благодатный,
 Здешних наяд научи, коль с попятным теченьем Гарумны,
 Море в реке бороздя, сюда приплывешь ты однажды.
 Первопричины открой, Эрато, и поведай, кто гений 20
 Ларов таких: столь высокий кров не бывает без бога.
 Ехал Эван, разорив Эрифры — град стрелоносный,
 Тигров гнал пред собой, запряженных лозою в двуколку
 Так, что в двойную дугу грозденосное дышло входило.
 Сам он томен и вял; стекают с крутого затылка 25
 Потом капли вина; сквозь чело золотые пробились
 Рожки, и молний из них излетает врожденное пламя,
 Что унаследовал бог при рожденье, когда из утробы
 Матери он перешел в бедро отца; над висками —
 Щедрость весны и цветы поры виноградного сбора; 30
 В левой руке его тирс, а в правой — винная чаша,
 Голых касается плеч, не пряча их, легкая палла,
 Кроткие влажны глаза, но коль, взор на врага устремивши,
 Взглянет единожды он,— опьянев, цепенеют индийцы.
 Где на ухабе тряхнет повозку,— винное сусло 35
 Каплет обильно с нее, глубину колеи наполняя,
 Тут же сатиров играть, бассарид и фавнов, и панов
 Учит Силен, упоен божественной силой питомца;
 Прибрана все ж голова у него: на темени лысом
 Он потерю волос возместить стремится венками. 40
 Ганг рогоносный — краса небывалого прежде триумфа —
 Голову низко склонил косматую; чистым потоком
 Слезы бегут по щекам, пополняя иссякшие струи;
 Спутаны руки его за спиной, но путами служат
 Лозы; сами собой, орошенные пленною влагой, 45
 Свежей листвой зеленеют они, обвивая предплечья.
 Скована, рядом идет жена, что похитила мужа;
 Скрыться пред светочем дня не дозволили ей, и Аврора,

Рдяный потупивши лик, пламенела алым румянцем.
 Также и Феникс там был; потерявший корицу, страшился 50
 Он, что смерть уж к нему не будет впредь благосклонна.
 Пленная следом идет толпа, неся на подносах
 Груз индийских богатств: тут и золото с деревом черным,
 И слоновая кость, и жемчужины светлые, с темной
 Сняты груди; кто не нес ничего, был в душистые цепи 55
 Ввергнут, но по душе — видно сразу — пленникам пытка:
 Путы зеленые их ароматом дышат фиалок.
 Шествует стадо слонов в чередѣ добычи последним;
 Видом они безобразны, темны; не опасно железо
 Коже морщинистой их; не пробьют свирепые копья 60
 Панцирь природный слона; где натянута туго, где в складках,
 Твердая кожа гремит, и, морщины ее сотрясая,
 Может отбрасывать зверь летящие пики и стрелы.
 Чуть лишь по воздуху путь направить успел победитель
 К Фивам, ввысь облаков вознеся свой триумф вакханальный, 65
 Как увидал от вершин Аонийских спешащего Феба.
 Правит грифонами он; на изогнутых клювах уздечки
 Лавра листьями шуршат; зеленеют висящие вожжи,
 Свежим обвиты плющом; по дорогам земным и воздушным
 Медленно зверь крылатый летит, чтобы взмахом поспешным 70
 Крыл невзначай не сломать шлеи — ползучие лозы.
 Вечной гладкостью щек блещет бог; над висками разросся
 Плющ, и злато волос золотую метет колесницу;
 Слева лира висит, чье летит широко сладкозвучье,
 Древний Пифон отчеканен на ней; а справа — стрелами 75
 Полный колчан и струна, издающая звуки иные.
 Шли пимплеады вокруг, и в тени девяти одеяний
 Двигалась тихо средь них колесница делосского бога.
 Стройный треножник обвив, целительный змей эпидаврский
 Свесил шею с него, священным налитую ядом. 80
 Рядом крылами Пегас, из волос рожденными, плещет,
 Едет на нем Кротон, чьи речисты ученые ноги.

Только лишь с хором хор повстречался, поднялись братья,
 Чтобы обняться, но был Эван медлителен боле:
 Стыдно ему показать, когда встанет, что ноги нетверды. 85

Феб вопрошает: «Куда ты держишь путь? Неужели
 В Фивы зловредные, Вакх? Но ведь богом тебя не согласен
 Сын Эхиона признать. Так покинь же, покинь эти стены,
 Вместе со мной поверни колесо. Не снисходит Агава
 Чтить тебя, а Ниоба меня. Стала гордая камнем, 90
 Сколько видела ран, столько ран получила во чрево;
 Смерти желала, но казнь милосердье навеки продлило:
 Часто жесточе всего — пощадить и оставить на муки.
 Да и Пенфеева мать — не затем ли к ней разум вернется,
 Чтобы безумье сильней обуяло убившую сына? 95
 Будем ли в силах с тобой обитать на холмах Аонийских
 В дни, когда ложем отца завладеет отцеубийца,
 Сделавшись братом своих сыновей и матери мужем,
 Сам себе отчимом став? Коль пойти ты согласен со мною,
 Я укажу, где вдвоем на земле оснуем мы обитель. 100

Место есть, где с Гарумной, чей ток через камень катится,
 Ты, что к морю несешь свои столь же быстрые волны
 И прорываешь валы песка, ты, о пенный Дураний,
 Струи сливаешь, и вы замедляете бег понемногу.
 Там устремляется понт вам навстречу и вспять отливает, 105
 То отвергая, то вновь вбирая воды речные.
 Там и Гарумна сама, луной растущей влекома,
 Бурные струи свои вздымает валами и мощно
 Гонит их вверх по руслу, так что кажется, будто к истоку
 Вниз под уклон, а не в гору бегут быстротечные воды. 110
 Хоть получает тогда от сестры переполненной меньше
 Влаги меньшей ее брат, но взбухает от вод океанских
 Также и он, свои берега превращая в морские.
 Там между рек (но ближе к одной) врежется в небо
 Пик высокий: узрит он владык своих, вознесенных 115
 Выше него, возгордясь рожденным здесь же сенатом.
 Родоначальником их Павлином Понтием будет
 В дни, когда над страной воцарится пришелец латинский,
 Стенами он обнесен, и башни в небо вонзятся;
 Пусть на кровлях у них пребудет спасенье и Слава 120
 В блеске слиянном: тогда ни машина осадная стены,
 Ни подведенный к ним вал, ни удары тарана, ни насыпь,

Ни катапульта, что вдаль мечет мощные с грохотом глыбы,
 Ни колесо, что бежит, когда лестницы недруг приставил,
 Ни черепаха, ни кров навесной разрушить не смогут. 125
 Мнится, я вижу твое грядущее, Бург (ибо зваться
 Бургом ты будешь): дома от реки поднимутся в гору
 И среди стен крепостных воздвигнутся пышные термы.
 Здесь, когда бурный прибой вздымают черные ветры,
 Скал щелистых стена, над рекой встающая круто, 130
 Вдруг начинает реветь, и поток, об утес раздробляясь,
 Прядает ввысь и на крыши домов низвергается ливнем.
 Часто морочит волна мореходов потешным крушеньем:
 Вверх вздымает суда, а потом, когда буря минует,
 После отлива они в городских остаются купальнях. 135
 Сколько колонн — и каких — там возносят высокую кровлю!
 С ними сравнитесь ли вы, пурпурной Синнадской пещеры
 Бледность бесценная? холм нумидийский, что цвета слоновой
 Кости камни дает? с травянистыми жилками мрамор?
 Пароса мне не нужна белизна, Карист мне не нужен, 140
 Дешев кажется мне с красных скал свисающий пурпур.

А для того, чтоб в грядущих веках основателя знали,
 Камень в преддверье стоит с именами создавших чертоги.
 Тут же рядом — вода, что следы проходящих смывает
 И, разливаясь вширь, нечистоты и мусор уносит. 145
 Плитами мрамора вся одета стена до злаченной
 Кровли, чей желтый металл полагалось бы спрятать получше,
 Ибо таиться от глаз изобилъе дома не хочет
 И выдает себя тем, под какую прячется крышей.
 Вслед за преддверьем тем к двойному зданью подводит 150
 Порттик, также двойной, двойным Ковшам неизвестный.
 Как поднимается он по отлогому склону, взирают
 Зданья оба крыла, разбегаясь плавной дугою.
 Правый видел изгиб, как рождался день на востоке,
 Смотрит на полдень фасад, любуется левый закатом, 155
 Так что, три охватив стороны небесного круга,
 Не упускают весь день луновидные атрии солнца.
 Здесь табуны, посвятив их Юпитеру с грозным трезубцем,
 Топит в пучине отец Фарнака: ты скажешь, что хлещет

Алая влага из ран под ударом меткой секиры 160
 И заливают тела скакунов, внушая неложный
 Ужас: картина живет коней крепконогих убийством.
 Кизик вокруг обложил бесчисленным войском властитель
 Понта, но консул Лукулл на помощь союзникам прибыл,
 И Митридатов солдат, доведенный до крайних пределов 165
 Голода, сам осажденным врагам завидует горько.
 Римского воина здесь выносит рвенье из моря:
 Мокр он, выплыв из волн, но посланье сухим доставляет.
 Выше по склону горы протянулись длинные кровли
 Житниц; но все же тесны для обильных они урожаев: 170
 Будут сюда привозить все, что Африка знойная сжала,
 Все, что усердный взрастил калабриец и что апулиец,
 Все, что холмами дала леонтинская жатва насыпать,
 Все, что Гаргар браздам полей мигдонских вверяет,
 Все, что Цереру в ночи молчаливыми плясками чтящий 175
 Спрятать мог Элевсин Аттический в дни Триптолема,
 От желудей отказались когда поколенья людские,
 Злак золотой получив, но век золотой потерявши.
 Летний здесь портик открыт лучам студеных Трионов,
 Легкое рядом тепло выдыхают зимние термы, 180
 Холод в том месте порой смягчая; по этой причине
 Лучше оно к суровой зиме приспособлено (все, что
 Скрыто от взора Льва, плохо сносит Медведицы ярость).
 В верхние термы река с далеких высей приходит:
 На гору пав, попадает она в разветвленья протоков 185
 И по закрытым кругом подается полым отводам.
 Дальше, от житниц слепых на закат, расположено зданье —
 Зимний владельцев приют: пожирая бревен запасы,
 Добрый огонь здесь трещит; по изогнутым трубам камина
 Жар от пыланья его проходит, жгучесть утратив, 190
 И усмирленным теплом наполняет все комнаты дома.
 Смежные с ним, погляди, какие ткальни построил
 Бурга создатель, дерзнув соперничать с храмом Паллады!
 Некогда в этих стенах супруга Леонтия будет,
 Радуюсь больше всех жен, что приняли Понтиев имя, 195
 Мужа славной судьбе, оставлять пустыми корзинки,
 Выпрявши всю сирийскую шерсть, иль накручивать нити

Шелка на легкий тростник, иль сучить металл размягченный,
 Чтобы от пряжи золотой веретена ее тяжелели.

Дальше огромный покой соединенными блещет стенами, 200
 Что несут на себе иудеев обрезанных древность.
 Вечно будут сверкать те картины, и долгие годы
 Образов их не сотрут, обесценясь, поблекшие краски.

Далее влево сверни: попадешь ты в портик просторный,
 Прямо его сводчатый ход; на самой кромке обрыва 205
 Высятся каменный лес колонн, поставленных тесно.
 Дверь из него в столовый покой ведет распашная;
 Рядом — желоб литой; в водоем перед самою дверью
 Падает сверху струя; по протоку проплывшие рыбы
 Сами в столовый покой — но полный воды — попадают. 210
 Первая рядом стоит — иль, коль хочешь, последняя — башня;
 Будут зимой в ней ставить столы хозяева дома.
 Часто и сам я, воссев на вершине ее, любоваться
 Музам любезной моим и милой козам горою
 Буду, или бродить по этим зарослям лавров, 215
 Веря, что здесь наконец мне поверит пугливая Дафна,
 Если ж направишь ты шаг к обеим Медведицам после,
 Чтобы ко храму прийти среди всех величайшего бога,
 Винный склад и съестной будут всеми уладами пахнуть:
 Будешь ты там в изобилье, мой брат. Раздели же со мною 220
 Этот приют, уступи мне один лишь источник, который
 Бьет на горе, осенен широким пористым сводом.
 Все у природы он взял, украшать его людям не нужно.
 Нравится все там должно без искусства,— лишь так мне по нраву,
 Гулкий пускай молоток не стучит, придавая утесам 225
 Форму, и мрамором туф заслонен пусть не будет щелистый.
 Вместо кастальской струи мне будет этот источник.
 Ты всем прочим владей: пред тобой пусть холмы вострепещут;
 Пленников там развяжи — пусть пути их превратятся
 В лозы на Бургских горах, в виноградник, плодами обильный. 230
 Эти слова одобряет Силен, почти протрезвевший,
 Оба хора восторг изливают в песне согласной:
 «Ниса, с Вакхом простись, и с Фебом — Парнас двувёршинный!
 Наксос пусть бога вина, бога песен пусть Кирра не ищет!

5. Итак, посылаю тебе, что читать между выпиваемыми одним духом кубками, едва пожелаешь развеселить пир более емкими чашами. Помоги же моей стыдливости, коль скоро стихи эти до трезвого слуха дойти не могут; то, чего я требую, только лишь законно и справедливо, ибо мой Вакх непременно пострадает от приговора децемвиров, если судилище над ним будет учреждено слишком рано. 6. Если же кто сочтет, что слишком пространный песнь должна быть осуждена уже за то, что она отошла от краткости эпиграммы, то он, ясное дело, не читал ни «Бань Этруска», ни «Суррентинского Геркулеса», ни «Тибура Вописка», ни вообще ни одной из «Сильв» нашего Стация, каковые описания этот муж, чей дар неоспорим, не укладывает в тесные пределы двустишия или четверостишия, но, как учит нас лирик Флакк в книге о науке поэзии, раз начавши, пристойно расширяет свой предмет, вставляя пурпурные лоскутья общих мест. Для защиты моей довольно привести этот один пример, чтобы мое извинение за излишнюю длину само не показалось слишком длинным. Прощай.

(Перевод С. Ошерова)

XXIII

ПОХВАЛА КОНСЕНТИЮ

Я готовился было, мой Консентий,
 Добрых нравов прекрасная опора,
 За радушье твое хвалой сквитаться,
 На свирели простой сыгравши песню,
 Как ты первым, черед нарушив должный, 5
 Трубным звуком стихов заставил друга
 Отвечать, хоть привык он больше к шуткам,
 Повинуется Муза, но бесстыдным
 Осторожней пером отныне водит,
 Ибо ты меня так красноречиво 10
 Убеждаешь писать, что я смолкаю,
 Лишь недавно, когда верхом скакал ты
 В град фокейский и в Сестиевы Байи,
 Что гордятся сражений славой оба,

Водрузивши двух консулов трофеи 15
 (Первый выдержал Юлиева Марса
 И ведомого Брутом флота ярость,
 А вторые — тевтонский бой кровавый
 И вождя, что возрос паденьем кимвров),
 Ты меня вдруг обрадовал поэмой 20
 Многомудрой, изящной, гордой, сильной.
 Шли гексаметры гордою походкой,
 И вослед, семена пятью стопами,
 Поспевали пентаметры за ними;
 Ты послал и трехмерные трохеи, 25
 Дав им в спутники дактиль со спондеем,
 И приятный одиннадцатисложник;
 Долгом Соллия ты связал отрядным
 И лихву хочешь взять с меня. Ну что же,
 Заплачу, но не больше сотой доли 30
 От достоинств твоих верну за песню.

Чем тебе угодить? С чего начать мне?
 Об отчизне и об отце скажу я.
 Хоть отец и по праву притязал бы
 Первым быть, но, конечно, побеждает 35
 Та, которою сам рожден родитель.
 О, Нарбон, сильный воздухом здоровым,
 Где прекрасны и город, и окрестность,
 Стены, граждане, лавки и предместья,
 Парки, портики, форум, capitoлий, 40
 Двор монетный, святилища, аркады,
 Бани, житницы, и театр, и рынки,
 Солеварни, река, пруды, лужайки,
 Рудники, родники, и мост, и море.
 Счастлив будь! Ты, единый, чтить по праву 45
 Вакха, Палес, Цереру и Минерву
 Жомом, пастбищем, колосом, лозою.
 На одних только граждан полагаясь,
 Не на помощь природы, ты оставил
 Выси гор далеко, но сам вознесся: 50
 Ров широкий тебя не окружает,

Не щетинится вал рядами кольев;
 Ты ни мрамором плит не одеваешь
 Стен своих, ни индийской черепахой,
 Не нужны тебе балки из слоновой 55
 Кости — бивни слонов мармариканских,
 И мусии наборными камнями
 Ты ворот золотых не украшаешь.
 Но, твердыней гордясь пол у снесенной,
 Битвы давней следами похваляясь, 60
 Кажешь миру расшатанные глыбы,
 Благороднее став от разрушений.
 Пусть сильны города другие местом,
 Если их на холмах воздвигла слабость,
 Пусть, ютясь по обрывистым высотам, 65
 Кажут стены, не знавшие ударов,—
 Ты нам ранами дорог, ты в осаде
 Всем явил свою стойкость и отвагу.

Потому-то воинственный властитель,
 Гордость готов, родителя затмивший, 70
 Рода римлян спасенье и опора,
 Теодорих тебя всем сердцем любит,
 В давней смуте твою познавший верность.
 Ты не стал безобразным и убогим,
 Изувечен ударами тарана: 75
 Ведь на теле мужей отважных шрамы
 Чем их больше, тем больше служат к славе.
 Слыл сражавшийся в войске марафонском
 Опозоренным, если не был ранен;
 Среди Публикол, рукой разящей славных, 80
 Всех славнее был Муций однурукий;
 Когда Цезарев вал Помпей Великий
 Брал на приступ, среди лиц без вражьих метин
 Всех прекрасней был одноглазый Сцева.
 Вынести тяготы — путь нелегкий к славе; 85
 Доблесть праздная мнится лишь трусливым,
 Недостойным, ленивым и бессильным.
 Ты, что цезарям многим был отчизной,

Ты, счастливый героями,— не ты ли
 Дал сынов, что с отцом совместно правят? 90
 Как персидский поход и стан победный
 Императора Кара нам не вспомнить,
 Как не вспомнить о римских легионах,
 Перешедших Нифат, о том, как цезарь,
 Быстрой молнии пламенем настигнут, 95
 Жизнь, подобную молнии, окончил?

Сильный городом, селами, мужами,
 Ты Консентиева отца родил мне,
 В ком ума острота и строгость римлян
 Сочетались с изяществом афинским. 100
 Если б слышал его Фалес Милетский,
 Был бы он изумлен, и ты, родосский
 Клеобул, среди линдийцев знаменитый,
 Также ты, Периандр, коринфский житель,
 И Биант, нам дарованный Приеной, 105
 Также ты, о Питтак, софист лесбосский,
 Ты, могучий Солон в Афинах строгих,
 Победитель Сократовой палестры,
 И рожденный в Тиндаровых Ферапнах,
 Ты, Хилон, над Ликургом верх берущий. 110
 Если б он, от забот свободный, начал
 Наблюдать обращенье звезд на небе,
 То одним бы путем пошел с Аратом;
 Если б он к геометрии направил
 Ум, за ним не поспеть бы и Евклиду, 115
 Хоть, исчислив, он площадь знал Олимпа;
 Если б он пожелал в размер округлый
 Речь вложить,— удержать его не мог бы
 Сам Хрисипп, приведя из «кучи» довод.
 Прилагал бы к искусству Амфиона 120
 Он персты или флейту, плектр иль голос,
 Бог аркадский и Феб с певцом фракийским
 В песнях с ним не сравнялись бы, и даже
 Муз бы в музыке много превзошел он.
 А надел бы он сирму и котурны 125

И взошел на аттическую сцену,
Вмиг бежали бы Еврипид с Софоклом.
Если б сокком ударил он в подмости
И в комедии вышел, то награду,
Перст поднявши, ему Менандр бы отдал. 130

А когда бы хотел он шестистопный
Стих лощить, смирнской выученик школы,
Или строгой истории предаться,
Вряд ли первое место сохранили б
Геродотов поток иль гром Гомера. 135

Не сильнее него оратор пылкий,
Чье искусство когда-то зажигало
В Пандионовом слушателей граде,
Одноглазого ль он царя Филиппа
Обличал, вел ли дело Ктесифонта; 140

Муж, что делался все милей народу
И по праву вершину красноречья
Занял, ибо, от кузнеца рожденный,
Уст усердно лощил шероховатость.
Петь ли вас мне, творцы латинской речи, 145

Арпинат, патавинец, мантуанец,
И Теренций, комедии наставник,
Плавт, в суровые времена рожденный,
Но островами победивший греков,
И Варрон, книг своих разнообразьем 150

И несметным числом почет снискавший,
И Саллюстий, немногословьем сильный,
И Корнелий, что прозван Молчаливым,
Но о ком умолчать никто не вправе,
И Арбитр, что священного чурбана 155

По садам массилийских поселенцев
Почитателем был, Приапу равный,
И Назон, сладострастными стихами
Всюду славный изгнанник томитанский,
Слишком преданный Цезаревой деве, 160

Им же скрытой под именем Коринны?
Называть ли мне Сенек благородных

С Марциалом из Бильбилы высокой,
 Иберийского края уроженцев?

Иль двоих брачным связанным обрядом 165
 С Аргентарией Поллой стихотворцев?
 Или многих других, с несхожим слогом,
 Строгих, нежных, речистых и шутливых?
 Все исчезли б, живи тогда Консентий!

Этот муж столь высокого таланта, 170
 С красотой сочетавший благородство,
 Взял жену: принесла она супругу
 Знаки власти Йовина, дом софиста
 Одежнями царскими наполнив,
 Так что в доме твоём родном, Консентий, 175
 Всей Нарбонской земли краса и гордость,
 В фастах дед твой живет, родитель — в книгах,
 Родословной высоко взнесенного,
 Но превыше того — безгрешным нравом,
 Мне тебя не воспеть хвалой достойной, 180
 Пусть бы далее во мгле пещер одрисских,
 Там, где Гебра поток широкошумный
 Вкруг утесов киконских плещет бурно,
 Царь певцов наставлял меня в искусстве,
 Когда сладостных струн напев, вливая 185
 В камни жизнь, увлекал их с гор Родопы,
 И, сковав вопреки природе воды,
 Заставлял без оглядки мчаться сушу,
 Когда Исмар пред солнцем обнажился,
 Ибо лес шел, заслушавшись, за лирой, 190
 И, растаяв, сбежал со склонов Оссы
 Снег, сильнейшему зною не подвластный,
 И бистоны увидели, как замер
 Быстротечный Стримон, возжаждав песни;
 Пусть бы, к плектру приставленный кентавра, 195
 Пелионцу двувидному доверен,
 Я пред ржаньем наставника дрожал бы;
 Пусть бы даже учился красноречью
 Я у бога, который по приказу

У слуги своего служил в подпасах И который циклопов закопченных Перебил у липарских жарких горнов, Стрелы, молний губительнее, бросив.	200
В нежный миг, когда ты на свет родился, Девять Муз тебя приняли на лоно, И, от матери отнятого с плачем, В чистых водах омыли Иппокрены: Из нее ты не влагу струй речистых Вволю пил, но словесность и ученость.	205
А подросши, учителей мудрее, Наставленья риторики и все, что Грамматической надлежит палестре, Поглощал ты, как пил младенцем, жадно. Двор похитил тебя, и благодарный Принцепс дал тебе место меж трибунов,	210
Что в его консисториях блистают. Возглавлял много раз в твердыне царства Все труды твои сам порфиносец, Как заслуживал нрав твой благородный: О великой гласит и редкой чести В списке лиц должностных погодном запись.	215
Вслед за тем, облачась военным саном, Ты был должен пополнить ратный лагерь, Справедливым возвышен назначеньем; Но, не жадный до прибылей обычных, Ты вернулся богаче только славой, Полагая своим лишь то, что роздал. Коль о чем-нибудь тестя на востоке Известить был намерен император	220
И в надежном посреднике нуждался, Ты, привыкший вести переговоры Двуязычные, выбирался сразу. Сколько раз византийский двор за речи Награждал тебя плеском рук и криком; Говорил ли на языке латинян	225
Ты, как житель Субуры прирожденный,	230
	235

Речь ли греков округлыми волнами
 Изливалась из уст твоих, как будто
 В Марафоне родился ты,— боспорцы
 И афинянам так не удивлялись. 240
 Если б все вдруг расторглись договоры,
 Ты, посредником став, склонил бы к миру
 Гуннов, готов, гелонов, савроматов,
 К тонграм, к Вакалу, к Альбису, к Висургу
 Вплоть до франкских глухих трясин проник бы, 245
 Окруженный почтением сикамбров,
 От мечей благородством защищенный;
 К Меотиде, к Вратам Каспийским, в Бактры,
 Где несутся парфян простоволосых
 Кони, ты бы пришел без содроганья, 250
 Так что царь, хоть сидит, подмяв сатрапов,
 И пресыщен родством с полубогами,
 Спесь смирил бы, сломил двора надменность
 И склонил пред тобой венец свой лунный.
 Не мешали бы судьбы государства, 255
 В Бирсу ты бы проник и в Африканский
 Край, где правит мятежник танаисский,
 И угасла бы тотчас ярость Марса,
 И, ущерба не зная от пиратов,
 Вновь повел бы купец суда с товаром, 260
 Ибо мир ты вернул бы благодатный,
 И под парусом войны не носились.

Если, важные все дела окончив,
 Соблазнялся ты зрелищем в театре,
 Лицедеи всем хором вмиг бледнели, 265
 Словно сам Стреловержец и Камены
 Сели судьями около подмостков.
 Пред тобой Карамалл или Фабатон,
 Чьи речисты безмолвные движенья
 Рук и ног, головы, и плеч, и шеи, 270
 Хоть однажды собьется непременно,
 Дочь Этову будет ли с Ясоном
 Представлять он и Фасис кровожадный,

Как на пашне, засеянной зубами,
 Битвы страшные всходы всколосились 275
 Урожаем оружия изобильным;
 Иль представит он трапезу Фиеста,
 Иль стенанья жестокой Филомелы
 И еду из растерзанного сына
 Для отца, что не так, как мать, преступен; 280
 Иль Юпитера с тирскою добычей,
 Хоть без молний, но страшного рогами;
 Или башню Данай, когда хлынул
 С неба ливень богатств неисчислимых,
 И любовь, золотой доходней жилы; 285
 Либо Леду и отрока сыграет,
 Что приставлен к Юпитеровой чаше,
 Сам же слаще нектарного напитка;
 Либо Марса покажет, как попал он
 В сеть лемносскую, либо как, отвергнут, 290
 Принял вепря обличье — со щетиной
 На хребте и на морде и с клыками
 Под губой искривленною,— иль зверя
 Со спиною мохнатой, что все время
 Трет и точит оружие кривое; 295
 Иль Персееву деву он покажет,
 Отомщенную саблей жениховой,
 Иль сказанья, которые дала нам
 Троя за десять лет осады славной.
 Говорить ли, что все канатоходцы, 300
 Все флейтистки, шуты и кифареды
 За канаты, остроты, плектры, дудки
 Пред тобою лишь с трепетом берутся?
 Ведь и сам на ристаньях в римском цирке
 Победил ты под гром рукоплесканий,— 305
 Вот для Муз подобающая пива.

Уж календы свои двуликий Янус —
 Срок начальный магистратур курульных —
 Приближал (Феб замкнул свой круг годичный).
 За один этот день дает два раза 310

Цезарь игры, что частными зовутся.
 Молодые, но из числа придворных,
 В колесницах наездники являют
 Взорам поля элейского подобье.

Назвала тебя урна, зычно кличут 315
 Толпы зрителей, имя выкликая.
 Там, где двери и консульские кресла,
 Где в стене с двух сторон по шесть решеток
 И за каждой — по сводчатому ходу,
 В ту, что жребий из четырех назначил, 320
 Входишь ты колесницу, сжавши вожжи.
 То же — твой сотоварищ, и тогда же —
 Ваш противник. Уже цвета мелькают:
 Белый, синий, и красный, и зеленый,
 Ваши знаки отличья. Недоуздок 325
 Держат руки слуги, витую гриву
 Заплетает он гибкими узлами
 И хлопками ладоней ободряет
 Скакунов быстроногих, чтоб внушить им
 Сладострастное рвенье и усердые. 330

Кони фыркают у затворов, грудью
 Налегают на брусья и сквозь доски
 Шумно дышат, как бы еще до скачек
 Занимая ристалище дыханьем.
 Распаляются, прыгают, трепещут, 335
 Рвутся, бьются, страшатся, страх внушают
 И, не в силах стоять на месте, брусья
 Беспокойно копытами колотят.
 Наконец-то трубач сигналом звучным
 Вызывает и в поле посылает 340
 Наготове застывшие четверки.
 Ни сверканье молнии трехзубой,
 Ни стрела, с тетивы сорвавшись скифской,
 Ни сверкающий след звезды падучей,
 Ни свинцовых снарядов ливень, пущен 345
 Балеарской раскрученной пращою,
 Так воздушных путей не бороздили.
 Уступает земля колесам, воздух

Замутняется поднятою пылью,
То и дело коней возницы хлещут, 350
В увлечение из кузова настолько
Наклонившись вперед, что не по крупам —
По загривкам приходится удары,
И не скажешь, не скачут ли возницы
Не в повозке, а ниц припавши к дышлу. 355
Промелькнув, словно птицы, по широкой
Части поля, из глаз вы скрылись быстро
Там, где с умыслом сужено пространство
И еврип поперек простерся длинный,
Окаймленный двойкой стеною низкой. 360
Чуть лишь дальняя мета отпустила
Вас, как твой сотоварищ обгоняет
Двух тебя обошедших — и четвертым
Ты становишься после поворота.
Тут у средних одна забота: если 365
Первый вправо возьмет, захвачен гонкой,
И упряжку прижмет вплотную к скамьям,
Слева путь открывая,— как бы сразу,
К середине свернув, его объехать.
Ты же, вдвое согнувшись от натуги, 370
Скакунов усмиряешь, чтоб искусно
Для седьмого сберечь их силы круга;
Все другие и криком, и рукою
Погоняют, и каплями стекает
Пот с коней крылоногих и с возничих. 375
Крик приверженцев бьет по сердцу зычный;
И мужей, и коней, разгоряченных
Быстрой скачкой, трясет озноб от страха.
Так за первым и круг второй проходят,
Так проходят и третий, и четвертый: 380
Пятый круг начался — и тут передний,
Вынести гнет нагоняющих не в силах,
Повернул колесницу, убедившись,
Что уже у коней иссякли силы.
Колесницы в шестой уж раз вернулись, 385
И толпа стала требовать награду,

И бесстрашной стезей летел противник
 Впереди, сил твоих не опасаясь,
 Когда, выставив ногу и упершись,
 Грудь напряг ты и, вожжи напрягая, 390
 Вдруг с такой быстротой погнал упряжку,
 Как когда-то возница Эномая
 Гнал ее на глазах дрожащей Писы.
 Тут один, чтобы кружный путь у меты
 Сократить, взял к ней ближе, но, тобою 395
 Настигаем, с разлета всю четверку
 Не сумел повернуть в одном движенье;
 Ты ж скакавшего дальше, как придется,
 Обогнал не гоня, силен искусством,
 А другой, увлечен любовью черни, 400
 Слишком близко к рядам подъехал вправо;
 Искривившего путь, пока он мешкал,
 Запоздалым бичом хлеща упряжку,
 Ты, прямым пролетев путем, объехал.
 Но противник бесчестный твой, надеясь 405
 Вновь тебя обогнать, хоть стал ты первым,
 Следом наискось мчит неосторожно
 Вбок сбиваются кони, и в колеса
 Беззаконные попадают ноги,
 Спиц движенье застопорив, покуда 410
 Не ломает коням катучий обод
 С хрустом кости. Сам-пят летит возница
 Вниз лицом с развалившейся повозки,
 Многовидную завершив паденьем
 Гору, свежей чело пятная кровью. 415
 В неразборчивом все смешалось шуме, -
 Так Ликей, кипарисами заросший,
 Так лесистая не грохочет Осса,
 Хоть и частые их тревожат бури,
 Тринакрийское не грохочет море, 420
 Когда Австр налетит, иль Пропонтида,
 Чьи валы заграждают путь Босфору,
 Повелел справедливый император
 К пальмам ткани серийские прибавить,

К ожерельям — венки для награжденья, 425
 А ковры с пестрым ворсом присудил он
 Победенным, довольно посрамленным.

А каким показал себя ты после,
 Когда юные годы миновали,
 И тебя ко дворцу призвал мой свекор, 430
 Чтобы ты во дворце распорядился,
 Мы расскажем об этом в книгах позже,
 Если будем богаче впредь досугом;
 А теперь о твоём гостеприимстве
 Пусть послушная Муза скажет кратко, 435
 Дом отрадней, чистейшие пенаты,
 Где, вовек несовместные, на редкость
 Уживаются вместе стыд и вольность!
 О, пиры, разговоры, книжки, шутки,
 Смех, степенность, веселье, остроумье 440
 И собравшихся пестрое единство,
 Надо ль в храм нам идти молиться богу,
 Иль на Ливиев дом взглянуть преславный, 445
 Иль в чертогах епископа собраться, 443
 Иль направиться к Марцию Мирону
 Иль ко Льву, что в искусстве слова блещет
 (Если б дважды шести таблиц законы
 Он давал, то средь славных децемвиров
 Аппий Клавдий скромней бы занял место;
 Если б он под бряцанье струн размеры 450
 Приспосабливал к ритмам строк коротких,
 Флакка едкого смолкнуть бы заставил,
 Сколько б тот после всех сатир и лиры
 Взмыть за лебедем Пиндара ни тщился),
 Иль твоя в плен брала нас благосклонность, 455
 Магн, достоинства все в себе собравший:
 Ум, богатство, и красоту, и знатность
 (Чьи когда б исчислять я стал деянья,
 Утомила б хвала сто уст железных:
 Даровитый, упорный и усердный, 460
 Прозорливый судья и лучший родич,

Кто, внимательный к месту, часу, лицам,
 Ни себе, ни другим не портит праздник);
 Или твой собирал нас вместе атрий,
 Марцеллин мой, в законах искусенный 465
 (Кто не знает тебя, среди тех прослыл бы
 Ты суровым за строгость и правдивость,
 Но кто мог испытать тебя на деле,
 Знает, как о тебе судить бы надо:
 Ибо правду сказать ты не боишься, 470
 Хоть грозили б тебе Карбон и Сулла,
 Все жестокие Марии, все Цинны
 И клинки триумвиров озверелых
 Были б к сердцу приставлены и к горлу);
 Иль в пенатах Лимпидия мы были, 475
 Благодетеля щедрого сограждан,
 Мужа, верного всем законам братства;
 Или в путях любезности держал нас
 Благородный Марин, кого навеки
 Должен я предпочесть за то, что дружбе 480
 Прилежал он всем сердцем непреложно;
 Иль видались с братьями другими,
 Нам обоим любезными, среди коих
 Праздность лучшим мне кажется заньем;
 Все назвать имена их в этой песне 485
 Жаждет страсть, но размер стиха мешает.
 После звал нас к себе ты, когда утро
 Миновало и солнце, раскаляясь,
 Вновь дарило нам час благоприятный.
 То давал ты нам обручи и палки, 490
 То, вручая в трескучих кубках кости,
 Нас сражаться бросками заставлял ты,
 Наслаждаясь веселой распрей, словно
 Навплиад, той игры изобретатель.
 Не в Нероновы шли потом мы бани, 495
 И не в те, что Агриппа дал и тот, кто
 Похоронен в Салонах Далматинских:
 Нет, мы в частные термы шли, где каждый
 Может мыться, стыдливость не нарушив.

А потом нас твои держали чаши 500
 И застолье средь Муз твоих прекрасных,
 Ибо лучших картин и лучших статуй
 В бронзе, в мраморе или в ярких красках
 Ни Пракситель не создал бы, ни Ментор,
 Ни Скопас, ни искусство Поликлета, 505
 Ни резец даже Фидия всевластный.
 Но пятьсот уж одиннадцатисложных
 Строк прощения просят за болтливость.
 Полно! Слишком длинна такая песня,
 Даже если и нравится; едва ли 510
 До конца ты прочтешь поэму друга,
 Что ленивее всякого сонливца.

(Перевод С. Ошерова)

XXIV

НАПУТСТВИЕ КНИЖКЕ

Мой покинув порог, запомни, книжка,
 Путь, пожалуйста, и с него не сбейся:
 Он тебя приведет к друзьям любезным,
 Чьи вписал имена я в эти строки,
 Не спеши насыпной дорогой древней, 5
 Вдоль которой по всем столбам старинным
 Многих цезарей имена замшели,
 Но ступай не спеша: промедлив дольше,
 Ты вернее любовь друзей узнаешь.
 В дом Домиция строгого сначала 10
 Ты войдешь — и Камены затрепещут:
 Ведь придирчивей не был даже старец,
 Что один только раз смеялся в жизни;
 Но суровости радуйся ученой:
 Он одобрит — так всем мила ты будешь. 15
 Вслед Бривада тебя радушно примет,
 Где останки святого Юлиана:
 Их лишь мертвые мертвыми считают,

А они излучают жизнь и силу.
 По полям ты возьми оттуда вправо, 20
 Вдоль пройди по хребту и, день потратив,
 Поутру золотой Триобр увидишь;
 Следом габалов снежный край узришь ты
 И, как здешние жители считают,
 Град высокий, лежащий в щели тесной. 25
 Века нашего там найдешь лаконцев;
 Пospеши их обнять, Юстина с братом,
 Чья любовь, по всему известна свету,
 Попирает Тесея с Пирифоем
 И Пилада со спутником безумным. 30
 Примут оба тебя они в объятия,
 Но от них в Тревидон ступай и в горы,
 Ближе к землям сутяжников-рутенов.
 Знай, Топантия мудрого родитель
 Ферреол, равный древнему Сиагру, 35
 Здесь живет, Галлий кормчий и опора,
 Чья супруга Папианилла скромным
 Облегчает трудом его заботы;
 Ни Танаквиль не может с ней сравниться,
 Ни Лукреция, дочь Триципитина, 40
 Ни фригиянке отданная Весте
 Дева, что привела на косах судно
 Вверх по Альбуле в пору половодья.
 Дальше встретят тебя гора Лезора
 (Выше скифских она вершин Кавказа) 45
 С быстрым Тарном, в чьих ясных водах рыба
 Есть, которую вкус болотный портит.
 Здесь у Зета и Калаида крылья
 Ты возьми, опасаясь гор туманных,
 То и дело грозящих снежной бурей; 50
 Но хотя б ты неслась быстрее ветра,
 Все равно в Ворацин придешь усталой,
 Примет здесь тебя наш Аполлинарий:
 Иль, от ярости Льва обороняясь,
 Хладом мрамора дом он одевает, 55
 Иль гуляет в саду уединенном

(Рос такой лишь на Гибле медоносной,
 Рос такой лишь у черных вод Галеца,
 Счастье старцу корикскому даруя);
 Иль среди бирючины и тимьяна, 60
 Средь шафрана, фиалок и лавруши,
 Нюхотков, гиацинтов и нарциссов
 Зерна смол он душистых презирает,
 Что везет к нам сабей наживы ради;
 Иль в искусственном отдыхает гроте 65
 Под холмом, где склоняются деревья
 И стремятся создать природный портик,
 Образуя не кущу, а пещеру.
 С ними древний сравнится ль сад плодовой
 Иль златые царя индийцев лозы, 70
 Что янтарною ягодой сверкали,
 Когда Пор насадил казной звенящий
 Виноградник из желтого металла,
 Где качались из самоцветов грозди?
 Следом в Коттион ты придешь, Авиту 75
 Скажешь «здравствуй», а после «до свиданья».
 Будь всегда и во всем ему послушна,
 Ибо пусть извинят меня родные,
 Но родство для меня не выше дружбы.
 Следом Фидул, достойный из достойных, 80
 Что Тетрадию даже не уступит
 Благородством души, блюдущей правду,
 Встретит в доме тебя гостеприимном.
 Дальше шаг ты направишь к Трем Усадьбам,
 Там отыщешь любого из Тавмастов: 85
 Младший — брат по родству мне и коллега
 И к тому же любимый мой товарищ;
 Если ж старшего вдруг ты повстречаешь,
 То ему поклонись, как будто дяде.
 А оттуда уж, книжка, в дом просторный 90
 Магна-консула, к Феликсу ступай ты:
 Там в отцовской тебе библиотеке,
 Что богаче Филагриевой даже,
 После пробы даст место Проб ученый;

Здесь Евлалией читана ты будешь; 95
Перед нею, Кекроповой Минерве
Равной нравами, строгие робели
Старцы вместе с порфиноносным свекром.

Но довольно: пора покинуть пристань;
Больше я не грузу тебя балластом, 100
Поднимай якоря на этой строчке.

(Перевод С. Ошерова)

Поздняя латинская поэзия / Пер. с лат.; Состав. и вступ. статья М. Гаспарова. — Москва: Художественная литература, 1982 — 719 с. (Библиотека античной литературы).

On literary translation in Russia in general, and on Fedor Petrovsky (1890-1978) and Sergey Osheroov (1931-1983) in particular, see for instance: Maurice Friedberg, *Literary Translation in Russia: A Cultural History*, Penn State University, 1997

Brian James Baer and Natalia Olshanskaya (eds), *Russian Writers on Translation: An Anthology*, Milton Park, 2013

Zara Martirosova Torlone, 'Vergil in Russian: Lost in Translation?', in *Vergil in Russia: National Identity and Classical Reception*, Oxford, 2014, 224-248.

Составитель Joop van Waarden, благодаря Е. Литовченко и Э. Манукяну.
Amsterdam, September 2016